
Вальтер ШУБАРТ

ЕВРОПА И ДУША ВОСТОКА *

Западно-восточное примирение

Россия между Азией и Европой

Европейцы ли мы или азиаты, или нечто третье, особенное между Азией и Европой? Уже свыше столетия русское мышление вращается вокруг этого вопроса. Происшедшую эволюцию можно охарактеризовать следующим образом: уже два столетия Россия становится сознательно все более и более азиатской.

Первым, кто сознательно обратил свой взгляд на Запад, был Петр Первый. Один из государственных деятелей той эпохи Салтыков впервые высказал лейтмотив всех западников, реакционных ли, либеральных ли или радикальных: «Русские во всем сходны с западными народами, но они от них отстали. Сейчас нужно вывести их на правильную дорогу». С Петра начинается реакционное западничество, ориентирующееся на германские народы. По выражению Герцена, Петр является первым «русским немцем»; пруссаки для него образец, особенно для армии. Английские свободы ему кажутся неуместными. Он высказывается за немецкий и голландский языки и против французского. Отталкиваясь от тонкого французского вкуса, он занят «опруссением» России.

Павел I испытывал прямо-таки детскую радость от прусской муштры. Даже Александр I, романтик на троне, следовал прусским принципам. При нем возникли военные поселения Аракчеева — творение духа немецкого рыцарского ордена, полумонастыри, полуказармы, коллективы без частной собственности. И при Николае I лозунгом было: Россия должна быть хорошей Пруссией, идеализированной Пруссией. На его царствование падает русско-прусское братание у Калиша в 1835 году. Все крепче и крепче властный дух прусскости переплетался со столь же грубым татарским стилем мышления. Отсюда крылатое словечко о кнуто-германо-татарском государстве, о кнуто-голыштинско-татарском царизме. Поскольку революция была направлена против деспотического царизма, она была фактически направлена и на «разопруссение» России.

Всем западникам свойственна вера во всемогущество и в возможность пересадки общественных учреждений. Эта мысль, типично западная, характерная для западного вешного человечества, полагающего возможным и желающего организовать жизнь, исходя не из души, а из вешного мира. В этом образе мышления лежит роковое пренебрежение духом ландшафта. И это также насквозь по-западному. Такая городская культура, какой является прометеевская, заглушает крестьянские инстинкты и не обращает внимания на силы земли, от которых она отделяется своим городским асфальтом.

Русские западники, еще признавая или смутно чувствуя в себе мощь

---

* Начало см. № 6, 1992; № I, 1993.

родной земли, придерживались формулы: прочь от степей к морю. Степь и море стали олицетворением различных мироощущений. Ведь и море столь же широко, как степь, но оно не имеет успокаивающей шири, принимающей в любящие объятия, оно угрожает и зовет к авантюрам. Оно делает людей недоверчивыми, озабоченными и деловыми. На побережья развивается иной человеческий тип, чем в степи.

Либеральные западники ориентировались на Францию и Англию. Это они руководили идейным течением 1789-го года на русской почве, направляя его против династии - твердыни реакции и прусского духа. Так они натравливали один европейский стиль мышления на другой.

Радикальные западники (социалисты) продолжили эту линию развития. Но и в их рядах русское самосознание обострилось вокруг спорного вопроса - может ли Россия прийти к социализму, органически развиваясь из крестьянской общины (народники), или же она, как западные народы, должна пройти через капитализм (марксисты)? С того момента, как укрепилось убеждение, что Россия уже вступила в капиталистическую фазу, победа радикального западнического направления была предрешена.

Все западники согласны в том, что западные идеи следует перенести на Восток. И вопрос только в том, какие: феодализм, либерализм или социализм? Как бы ни отклонялись друг от друга эти три идейные группы, все они тем не менее являются составными частями одной и той же культуры, из которой их нельзя вырвать. Они являются различными стадиями того же развития. Они находятся в тесной взаимной зависимости и колеблются в общем ритме: реакционное давление вызывает либерализм, а либеральная анархия — социализм. Западники, перенося эти идеи в Россию и там противопоставляя их друг другу, одарили Россию конфликтом, до которого ей не было никакого дела, ибо он не вырос органически на русской почве. Ведь проникли не только новые идеи сами по себе, но и их взаимные конфликтные отношения и их внутренние противоречия. Они отдали Россию во власть разъединяющих сил и тем ввели ее в общеевропейский душевный кризис. С этого момента русское народное тело страдает от болезни, не в нем возникшей, а внесенной путем искусственной прививки.

Западники разделяют европейское презрение к Азии. Они впадают в ту же ошибку — мерить все культуры, в том числе и русскую, на западно-европейский образец — и отбрасывают то, что не находит в себе соответствия. Против этого воззрения впервые выступили **славянофилы**. Они искали славянскую Россию, но еще не азиатскую. Этим отличаются они от (позднейших) евразийцев. Когда поляк Дучинский старался найти доказательство, что Россия образует одно духовное единство с Азией, лагерь славянофилов ответил ему взрывом негодования. Но уже Достоевский придерживался на этот счет иного мнения: «Наше будущее лежит в Азии. Пришло время покинуть неблагодарную Европу... Русские столь же азиаты, сколь и европейцы. Ошибка нашей политики в последнее время состояла в том, что она пыталась убедить народы Европы, что мы являемся подлинными европейцами. Прочь от Петербурга, назад в Москву!.. Будем азиатами, будем сарматами!». Достоевский, глубже взглянувший в гнилость Европы, не поддался, как его современники, миру европейской цивилизации, и его взгляд остался свободным от всяких искажений для рассмотрения преимуществ Востока. Так стал он предтечей **евразийского движения**, радикального противозападнического течения, которое уже сознательно и страстно обращает взоры русских обратно к России. Приверженцы этого движения чувствуют себя наследниками Чингисхана; с настоящей азиатской гордостью они презрительно смотрят на маленький азиатский полуостров — Европу. Вместе со славянофилами они разделяют отрицание Запада, но они зывают не к

славянской крови, а к монгольской. Исследователи, вышедшие из этого движения или к нему близко стоящие, полагают возможным утверждать, что в русском народе славянская кровь отступает, а наступает монгольская, и что русские интересы заметно отвращаются от славян, переходят к монголам. Монгольское никогда не могло заглухнуть в русских. «Поскреби русского, и ты найдешь татарина»,— гласит старая поговорка. И действительно, с потерей своих западных провинций в 1918 году Россия понесла значительный ущерб своей славянской составной части крови. Одновременно она была и политически оттеснена с Запада так, что она не имеет с ним больше никакого непосредственного контакта. Но, имея возможность уравновесить потерю западных областей значительными приобретениями северных окраин Китая, она в целом не уменьшилась, только вся огромная масса России передвинулась с Запада на Восток. И это явление определяет тот возврат в Азию, который Россия ныне совершает.

Начало евразийского движения относится к первому десятилетию нашего столетия. Его ранние истоки относятся к еще более давнему времени. В 1885 году, когда из-за Афганистана создалась угроза военного столкновения между Англией и Россией, вышла книга публициста Сергея Юшакова «Англо-русский конфликт». В этой книге автор предсказывает, что из-за Азии дело дойдет до решительной схватки между обоими государствами, до столкновения между крестьянской и буржуазной культурами, между поселенческими освоителями и эксплуататорами Востока. Русский крестьянин — надежда Азии, и он ее разбудит. Таковы первые намеки паназиатского видения.

В 1900 году, когда европейские великие державы под предводительством Вальдерзее и совместно с Японией подавляли боксерское восстание, нашлось достаточное количество западноевропейцев, которые, почувствовав новизну этого факта, подчеркивали участие Японии как единственной азиатской державы, борющейся в союзе с Европой против Китая. Были, однако, русские, которые смотрели на вещи иначе. Они удивлялись участию другой державы, а именно — России. Князь Оспер Ухтомский в своей книге «События в Китае и отношение Запада и России к Востоку» (1900) высказал утверждение, что Россия не должна была входить в антикитайский фронт... «Россия начинает уже чувствовать, что она является обновленным Востоком, с которым не только ближайшие азиатские соседи, но и китайцы, и индусы имеют больше общих интересов и симпатий, нежели с колонизаторами Запада. Ничего нет удивительного в том, что наши восточнорусские пионеры неожиданно констатируют, что тот новый мир, в который они попадают, не является для них ни чужим, ни враждебным, а, наоборот, детски доверчивым... Запад воспитал наш дух, но как бедно и слабо отражается он на поверхности нашей жизни. Под ней, в недрах национальной жизни все насквозь пронизано глубокими воззрениями Востока и наполнено желаниями, от которых средний европеец, до мозга костей зараженный материализмом, отстоит неизмеримо далеко. Азия чувствует инстинктивно, что Россия есть часть огромного духовного мира, который мистик, так же как и ученый, определяет смутным именем Востока. Поэтому Россия будет судьей в вечном споре между Европой и Азией и разрешит его в пользу последней, ибо невозможно другое решение для судьбы, который чувствует себя братом обиженного...».

Косность, с которой Россия вела войну с Японией, неохота, с которой она прибегала к сильным ударам, находят в этом свое психологическое объяснение.

Работы Юшакова и Ухтомского, хотя и не доказывают того, что они утверждают, но указывают на направление, в котором двигались желания

и вера их авторов. Они важны не как документы определенной действительности, а как симптомы чего-то становящегося.

В 90-х годах религиозно-философские течения, начавшиеся с Соловьева, положили предел западничеству. На склоне столетия они воодушевили религиозно-национальное мышление в такой степени, что можно было говорить о возрождении славянофильства (неославянофилы). Философ Эрн (умерший в 1917 году) зашел так далеко, что объявил безумием все духовное развитие со времен Канта, а новую западную культуру обозвал цивилизованной дрянью. Одновременно пробуждались русские национальные настроения и в поэзии у Белого, Блока, Ремизова, вытеснивших бледный эстетизм всюду проникающих акмеистов. Назад, к национальным истокам! — гласит клич этих годов. Блок шел по стопам Достоевского, восхвалял скифов в качестве русских предков: «Да, скифы мы, да, азиаты мы! С раскосыми и жадными глазами».

Николай Рерих, изобразитель тибетского горного мира, буддийских монастырей и индусских аскетов, являет собой в живописи открытость русской души веяниям верхнеазиатской жизни.

Наконец, подавленная азиатчина дает себя страстно и мощно знать в 1912 году в русском футуризме, особенно у Маяковского и Клюева, поздних «гениев большевистской литературы». В них восстание против Запада принимает характер разрушения формы.

Так, художественное развитие предшествует политическому. В этом состоит и сущность большевизма: оттесненная азиатчина вырывается в порыве разрушения, но происходит это в западно-абстрактных формулах. Подсознательные силы революции и ее сознательные намерения друг другу противоречат. Они отражают глубокую раздвоенность русской души. Сознательные большевики не только хотят Западу подражать, но и превзойти его — материалистический, технический, неверующий Запад. Но подсознательно пробужденные растут темные силы, они отворачиваются от западных тезисов и все больше и больше отчуждают Россию от Запада. За словами по-западно звучащими действуют незападные силы. Потому так и трудно сказать что-либо положительное о большевизме. Все время встает вопрос: что в нем европейское, а что русско-азиатское? Где кончается по-западному надуманное, а где начинается почвенно-восточное? Большевизм, рассмотренный не только в своих истоках, но и в его общем развитии, не есть просто где-то осуществленный марксизм, нет, это прежде всего процесс, который в этой форме мог разыграться лишь на русской почве. Уже поэтому он может быть понят во всей разнообразной полноте своих проявлений не из тезисов марксистского учения, а только из глубин русской сущности. Он прежде всего трагедия европейских идеалов на русской почве. Не Европа находится в опасности быть вовлеченной в русскую катастрофу, а наоборот: со времен Петра I Россия, хотя и не без своей собственной вины, попала в процесс европейского саморазложения. Россия жадно схватила идеи современной Европы и в Советском Союзе довела их до крайних следствий, со всей силой русской неумеренности. Она раскрыла их внутреннюю невозможность и в таком виде — огромного увеличения — представила их на всеобщее обозрение. Но тем самым она их опровергла. Теперь начинается второй акт драмы. Открывается путь для разбухенных сил Востока. В большевизме умирает русское западничество. Становится ясным, что десятилетние потрясения должны закончиться изгнанием прометеевского прототипа с русской почвы.

Политика Петра I принимает обратный ход, и русский вновь душевно завоевывается Азией. Переименование Петербурга в честь татарина и перенесение столицы отсюда в Москву являются симптомами этого развития.

Обратимся сначала к первой отрицательной части развития: к пирровой победе прометеевского прототипа на русской почве. Со времени Октябрьской революции всюду обнаруживаются, часто в ярких красках, типичные элементы прометеевской культуры. Русский оставляет (или пытается по крайней мере оставить) настроение культуры законченности и становится человеком **культуры середины**. Он воспламеняется любовью к земле и ненавистью к Богу. Он вновь начинает серьезно воспринимать мир, провозглашает религию материи и работы над ней. Материя становится священной. Инертность и покорность уступают место порыву активности. Душа, обращенная к потустороннему, привыкает к законам, управляющим материальным миром, на которые она никогда не обращала внимания. Как человек культуры середины, русский становится **методическим**. Во всех большевистских речах и писаниях метод играет большую роль. К нему преимущественно сводятся успехи и неуспехи. Большевики даже надеются создать и нового человека при помощи новых методов. В тех же чертах протекает и развитие **человека нормы**. Уже Ленин охвачен настоящим безумием декретов. Нигде не появляется такое количество декретов, как в Советском Союзе. Пышный цвет бюрократизма и формализма распространяется во всей враждебной нормам восточной земле.

Ленин учил: каждая кухарка должна учиться управлять государством. Это значит, что государство должно быть таким, чтобы им могла управлять каждая кухарка. Выражение Ленина — похвала не кухаркам, а похвала идеальному государству будущего.

В мире норм **вещный человек** преобладает над «душевым человеком». Большевизм «овеществляет» русских. Он овеществляет даже любовь. Там высмеивают всех тех, кто в взаимоотношениях полов видит нечто большее, нежели пол. Тургеневская сентиментальность становится недопустимой. Русский человек покидает мир чувств, в котором он грозил потонуть, и становится на твердую почву повседневной трезвости. Выразительное мышление сменяется целеустремленным. Признается только точная наука. На ступенях духа технические достижения занимают высшее место. Искусство оттесняется, философия и религия изгоняются. Идеальным человеком становится тот, кто «всегда готов накручивать себя на любую катушку». (Бухарин это называет «всесторонним образованием».) Под этим подразумевается новый человек, которого можно привести в движение любым внешним поводом, а огню не существо, движимое побуждениями.

Можно ли себе представить большую опалу души? Даже в искусстве, истинном поприще «выразительного» человека, начинает царствовать человек цели. Он исполнитель даваемых ему социальных заказов. Большевики твердо убеждены, что, например, коммунистическая литература невозможна без социального заказа. Приказ власти принимается всерьез более, чем творческое вдохновение художника. Женственные ценности вытесняются мужественными. Наступает радикальное **возмужание**. Чувство чванства грозит превозобладать над чувством братства. Даже Ленин порицал русских коммунистов за их высокомерие и бахвальство, за их сварливость и прекраснословье. Дух конкуренции затемняет чувство братства. Культура молчания превращается в культуру слова. Большевизм есть настоящая оргия слова, проникающая всюду, вплоть до последнего села. Шумная патетика потрясает даже тишину самой страны. «Целые учреждения вырождаются в пустой болтовне», — отмечает стенографический отчет 14-го съезда партии, а «Правда» от 27.05.1930 года иронизирует по поводу многоречивости и психоза заседаний советской бюрократии.

Из культуры степей вырастает **культура города**. Некогда носители

русской духовной жизни, почти все поэты, жили в своих имениях в качестве помещиков. Горожане устремлялись к Толстому в Ясную Поляну. Деревня оплодотворяла город. Тот же, кто покидал деревню, не отделялся от нее, а носил ее в своем сердце. Со времени Октябрьской революции направление культурной жизни изменилось. Течение идет уже не от деревни в город, а из города в деревню. Горожанин, вооруженный средствами современной техники, несет свои планы в степи и распространяет их среди крестьян.

Русский большевик ничего не ждет от внешних сил, а больше всего от самого себя. Сначала это наполняло его гордостью и радостью творчества. Он переживал «героическую эпоху революции», стадию ренессанса прометеевской культуры. Но вскоре же, так же как и на Западе, скатился он к мещанству. Начинается «мелочная работа строительства», за которой, по примеру западноевропейского развития, должны последовать растущая неуверенность, а затем и полный распад прометеевского человека. На большевистского русского отбрасывается все большая и большая тень страха; количество самоубийств угрожающе растет и не столько среди жертв режима, сколько и среди его носителей, и самых блестящих представителей. От собственной руки погибли столь прославленные поэты, как Маяковский и Есенин. Судьба Есенина сугубо символична для страстного пути русских. Крестьянин покидает свою родную деревню и гибнет в большом городе от западной цивилизации.

Ввиду того что большевизм стремится пересадить в Россию прометеевскую культуру, мы находим там с 1917 года не отдельные созвучия с Западом, а все его существенные элементы, хотя и в разной степени представленные. Прототип каждой зоны, имея свойства личности, может быть или полностью перенесен, или полностью отвергнут и не может быть разделен, как неразделимы свет и тень. Каждое культурное произведение насыщено единым общим духом. По каждому отдельному плоду можем узнать мы дерево, на котором он произрастает.

Ныне большевизм находится уже во второй стадии своего развития. Западный мир понятий преобразуется постоянными силами почвы. Трояко отмечается этот ход вещей: пробуждением национализма, чувства братства и религиозности.

Сначала русский коммунист хотел лишь превзойти Запад. Он хотел отличаться от европейца лишь степенью. Он хотел быть больше, чем Европа, но не иным. Он убежден, что Россия и Запад подлежат тому же развитию, он только верит, что в этом общем развитии России предстоит идти далеко вперед. В этой вере лежат уже зародыши нового народного самоощущения. То, что проводится в жизнь, является западным принципом, но осуществляется по-русски и является национальной гордостью; все более крепнет желание отмежеваться от Запада и одновременно растет ощущение превосходства над ним. Лишь бы не быть принятым за буржуа, причем под буржуем подразумевается европеец. Гордостью своего социалистического превосходства превозмогает Россия чувство национальной униженности, в сильнейшей степени вскормленное русским западничеством.

Странная ирония истории: интернациональный марксизм, не признающий никаких национальных рамок, самым резким образом отграничивает Россию от всех остальных народов. Вопреки своим очевидным намерениям он обновляет национальное чувство и распространяет его в слоях, ранее им не затронутых. Китайской стеной отделяет он Россию от заграницы. Никогда Россия не была так предоставлена сама себе, как теперь. И глубокий смысл этого развития следует видеть в том, что она сама себя найдет. Она должна была попытаться сначала стать насквозь западной, чтобы затем стать насквозь русской. Бухарин требовал от нового ком-

мунистического человека, чтобы он отказался от любви к отечеству (Азбука коммунизма, с. 105). Но уже Челюскинская эпопея (1934) развязала бурю национального воодушевления. Сталин ее тогда умело и хитро узаконил в своей телеграмме профессору Шмидту, возглавительнице экспедиции, впервые произнес он слово Родина. С тех пор понятие советской родины не исчезает больше со страниц советской печати. Пушкинские торжества 1937-го года носили явно выраженный национальный характер. Тот факт, что противник Пушкина по дуэли Дантес не был русским, подчеркивался не без нотки ненависти.

Во время первых выборов в Верховный Совет осенью 1937 года, во время предвыборных манифестаций, несли изображения Карла XII и Наполеона I, «побежденных великим русским народом». В сентябре того же года в национальном духе была отпразднована 125-я годовщина Бородинского сражения. Поле битвы и особенно село Фили были в течение нескольких дней целью тысячных экскурсий. «Вечерняя Москва» писала с воодушевлением: «В 1812 году солдаты русской армии, несмотря на то что они были крепостные, показали всему миру мощь великого русского народа, восставшего как один против иностранных завоевателей... с необычайным волнением наблюдаем мы это поле величайшей битвы, где 50 000 русских людей героически отдали свою жизнь за Родину. Столетиями будет чтить народ это величайшее дело патриотизма!». Кутузов, тогдашний русский главнокомандующий, умер в конце апреля 1813 года. 125-летие со дня его смерти также послужило большевистской прессе предлогом для патриотических излияний.

«Правда» от 28 апреля 1938 года писала по поводу Кутузовских дней: «В сердцах трудящихся всегда будет жить память об этом значительном победоносном полководце, освободившем родную землю от иностранных завоевателей». Первый раз поместила коммунистическая пресса на своих столбцах портрет генерала, усыпанного орденами. И мог ли это кто-либо предвидеть в октябре 1917 года!

Направление восточнорусского развития, помимо национализма, указывает и на пробуждение чувства братства. С 1934 года в России образовался настоящий советский гуманизм, воспринявший мессианские силы русской почвы и стремящийся с требованием любви к ближнему (!) за границы собственной страны. Доктрину этого гуманизма впервые развил Горький в статье в «Правде» от 24 мая 1934 года: «Мы видим, как в наши дни мощно и угрожающе подымается пролетарский гуманизм Маркса, Ленина и Сталина. Его целью является полная эмансипация трудящихся всех рас и национальностей. Это есть в основном на любви к ближнему построенное учение... Революционный гуманизм дает пролетариату право безжалостно бороться против капитализма и уничтожать ненавидимые основы буржуазного мира... впервые в истории любовь к ближнему организуется в качестве творческой силы».

Чудесным образом переплетаются здесь силы любви и ненависти. Здесь провозглашается человечество, охватывающее только трудящихся, своих же врагов безжалостно преследующее. Крайне типичный пример для той большой душевной болезни, которая омрачает все существенные жизненные проявления последних русских поколений.

Поэт Сурков по примеру Горького причисляет ненависть наряду с любовью, радостью и гордостью к основным силам нового гуманизма. Горький противопоставляет его Библии. Но и христианское учение имело гуманистическую природу. Многозначительное признание, доказывающее глубокую трещину, проходящую ныне через диалектический материализм большевиков и вызванную христианской энергией, вытесненной из своего нормального течения. Новое течение имело быстрый и большой успех, так как оно втайне всеми ожидалось. Советский человек вновь тянется

к благородным нотам в жизни. Советский конгресс писателей (сентябрь 1934 года) явно стоял под знаком пробуждающейся человечности. Классовая ненависть, вечное подчеркивание борьбы и противоречий начинают терять свою силу в России. И это настроение использовал Сталин. В 1935 году он закончил свою речь к аспирантам Военной академии тостом: «За партийцев и беспартийных, ибо и среди беспартийных имеется много верных людей».

Преимущества пролетарского происхождения отпадают. Школы открываются для всех; система образования стремится к созданию специалистов, не нуждающихся в партийной принадлежности. С уничтожением карточной системы исчезло, наконец, разделение народа на материально привилегированные и непривилегированные группы. Все эти явления лежат в одной и той же плоскости: пробуждающееся чувство всеобщности стремится преодолеть разъединительные силы. Само собой понятно, что новая идея братства не признается еще в своих русско-крестьянских корнях. Она стыдливо скрывается за марксистскими аргументами, вроде аргумента о бесклассовом обществе, к которому якобы приближается коммунизм после 20-летнего господства. Это будто бы и есть предвиденный Марксом момент, когда изживаются как классы, так и классовая ненависть. Только тогда может полностью развиться новый человек. Так перед судом марксизма оправдывает себя возрождающаяся русская идея братства.

К этому братству тянутся пока еще лишь новые и нежные побеги, первые проблески крупного душевного обновления. Политическая же практика продолжает развиваться так же, как и прежде — в грубых, отталкивающих формах. В этом противоречии между политической действительностью и духовными устремлениями нет ничего удивительного. Все крупные движения вырастают из ничтожных, из прямо-таки невероятных малых корней, и произрастают они сначала в области духа, а не в области государства. Так и в России — пройдет еще много времени, прежде чем политики приспособятся к новому гуманизму, а потом подчинятся ему.

Этим устремлениям внутри России соответствует пореволюционное движение за границей. К нему принадлежат те русские эмигранты, которые приемлют Октябрьскую революцию как историческое событие, но стремятся к ее национализации и одухотворению. (Они группируются в особенности вокруг журналов «Новый Град» и «За новую Россию».)

Важнейшая часть борьбы, которую Запад и Восток ведут за русскую душу, лежит в религиозной плоскости. Здесь мощь восточного духа обнаруживается в двояком направлении. Он сообщает материализму, и даже безбожию, налет религиозности, и он возобновляет, пока в скрытом виде, подлинную Христову веру. (Этому предмету из-за его особой важности, я посвятил отдельные главы.)

К ущемлению западного влияния приложили в значительной степени руку и сами большевики, а именно, путем уничтожения высшего социального слоя. Это он, а не широкие массы народа, склонялся к европейскому образованию. Он один знал Европу из путешествий и изучения. Он один обладал необходимыми для этого знаниями языков. Все это изменилось в корне. Современные русские не отдадут больше воспитывать своих детей ни немецким, ни французским учителям. Вместе с падением знания языков падает и знакомство с западной культурой. Путешествия за границу по частному почину стали почти невозможны. Русское юношество не только политически, но и духовно растет в своеобразном карантине, препятствующем ему следить за культурным течением Запада и к нему приобщаться. Оторванность России от Европы принуждает ее обратиться к самой себе и идти собственными путями.

Европейский период России приходит к концу, азиатский — начинается. Радикальнейшая попытка европеизации заканчивается возвращением России домой, в Азию. Все большее и большее количество как европейцев, так и азиатов рассматривают большевистскую революцию как пробуждение Азии. Среди восточных народов все больше и больше распространяется убеждение: европеец пришел к нам как угнетатель, русский же приходит как освободитель. Эти настроения с большим успехом использует пропаганда Коминтерна. Примирение между заклятыми врагами — Россией и Турцией — являет собой очевидное знамение новых отношений русских к азиатам.

Русскость борется за преодоление прометеевской культуры на русской почве. Но придет время, когда она перешагнет за границы своей страны, чтобы столкнуться с западным духом на его родине. От этого события зависит судьба человечества. Европа была несчастьем России, сможет ли Россия стать частью Европы?

(Продолжение следует)